The Don Cossack Lord's Prayer: A Theological, Linguistic, and Cultural Exegesis

Донская казачья молитва «Отче наш»: богословский, лингвистический и культурный экзегезис

頓河哥薩克「主禱文」: 神學、語言學與文化的詮釋

- Frank Leo 劉宗唐 משה הלוי *Φραγκίσκος Μωυσῆς Λευϊτάκης*
משה לוין (לעווין)

I. Introduction / Введение / 引言

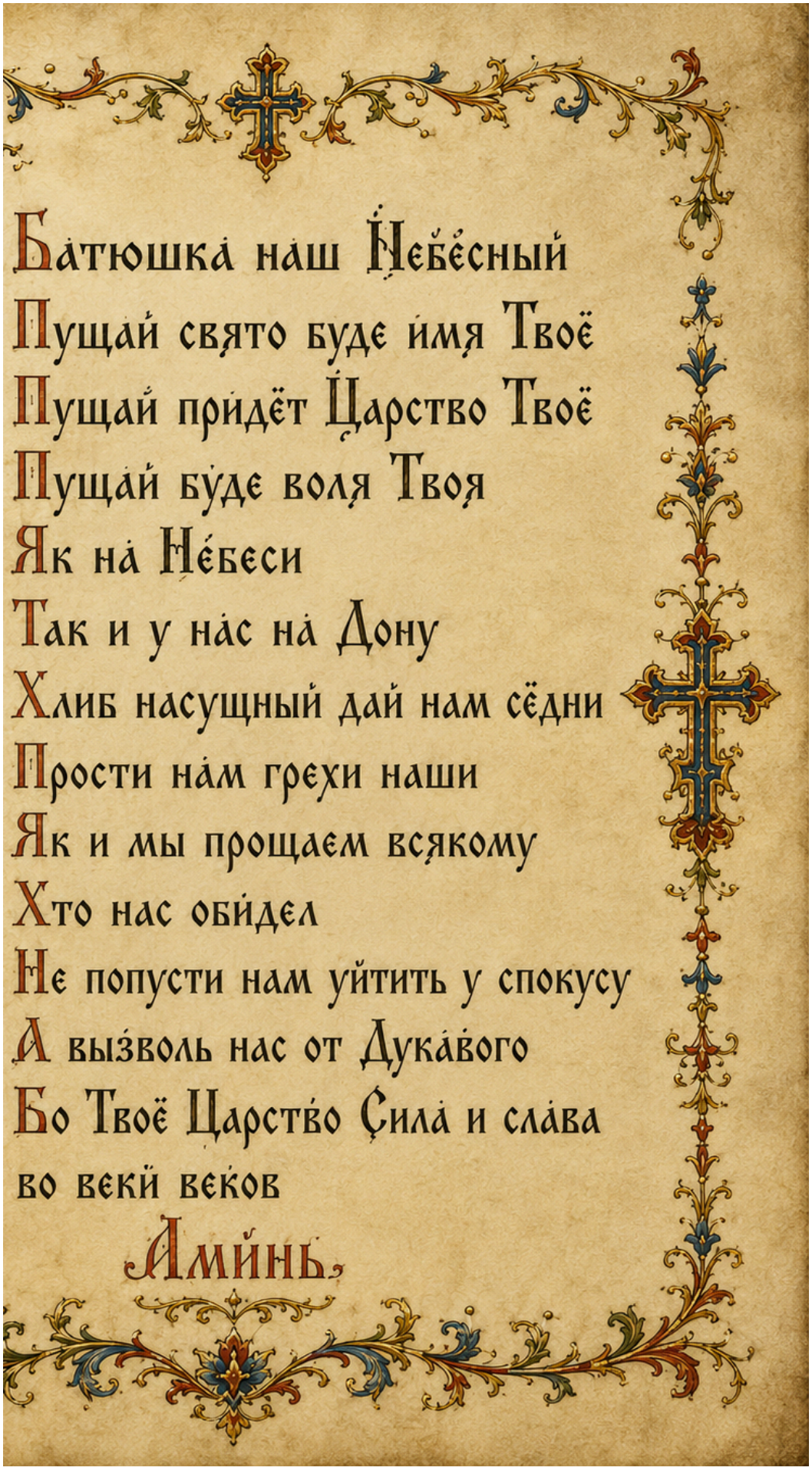
The Lord's Prayer (Matthew 6:9–13; Luke 11:2–4) stands as the foundational prayer of Christianity, given by Christ himself as a model for communion with God. Across centuries and cultures, this prayer has been rendered into thousands of languages and dialects, each translation carrying within it subtle theological inflections shaped by the community that prays it. The Don Cossack version presented here represents a remarkable case of what theologians call *inculturation*—the incarnation of the Gospel message within a particular cultural and linguistic matrix—and offers a window into how a fiercely independent, deeply Orthodox warrior community understood its relationship to the Divine.

Молитва Господня (Мф. 6:9–13; Лк. 11:2–4) является основополагающей молитвой христианства, данной самим Христом как образец для общения с Богом. На протяжении веков эта молитва переводилась на тысячи языков и диалектов, и каждый перевод нёс в себе тонкие богословские оттенки, сформированные общиной, которая молится этими словами. Донская казачья версия, представленная здесь, являет собой замечательный пример того, что богословы называют *инкультурацией*—воплощением евангельской вести в конкретной культурной и языковой среде—и открывает окно в понимание того, как яростно независимая, глубоко православная воинская община осмысляла своё отношение к Богу.

主禱文（馬太福音6:9-13；路加福音11:2-4）是基督教最根本的禱告，由基督親自賜予，作為與上帝交流的範式。歷經數百年，這篇禱告被翻譯為數千種語言和方言，每一種翻譯都承載著祈禱群體所塑造的微妙神學意涵。此處呈現的頓河哥薩克版本，代表了神學家所稱的「本地化」（inculturation）之卓越案例——即福音信息在特定文化與語言基質中的具象化——並為我們開啟了一扇窗口，讓我們得以窺見一個極度獨立、虔誠東正教的武士群體如何理解其與神聖之間的關係。

II. The Text and Its Standard Russian Counterpart / Текст и его соответствие стандартной русской версии / 經文及其標準俄語對照

Don Cossack Version / Донская казачья версия / 頓河哥薩克版本：


Батюшка наш Небесный
Пущай свято буде имя Твоё
Пущай придёт Царство Твоё
Пущай буде воля Твоя
Як на Небеси
Так и у нас на Дону
Хлиб насущный дай нам сёдни
Прости нам грехи наши
Як и мы прощаем всякому
Хто нас обидел
Не попусти нам уйтить у спокусу
А вызволь нас от Дукавого
Бо Твоё Царство Сила и слава
во веки веков
Амінь.

Батюшка наш Небесный / Пущай свято буде имя Твоё / Пущай придёт Царство Твоё / Пущай буде воля Твоя / Як на Небеси / Так и у нас на Дону / Хлиб насущный дай нам сёдни / Прости нам грехи наши / Як и мы прощаем всякому / Хто нас обидел / Не попусти нам уйтить у спокусу / А вызволь нас от Лукавого / Бо Твоё Царство Сила и слава во веки веков / Аминь

Standard Church Slavonic/Russian Version / Стандартная церковнославянская/русская версия / 標準教會斯拉夫語/俄語版本:

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки веков. Аминь.

III. Linguistic Analysis / Лингвистический анализ / 語言學分析

A. The Address: Батюшка наш Небесный

The most immediately striking linguistic departure is the replacement of the solemn vocative *Отче наш* ("Our Father") with *Батюшка наш Небесный* ("Our Heavenly Dear Father"). In Russian linguistic culture, *отец* (otets) is formal and dignified, carrying patriarchal authority. *Батюшка* (batyushka), by contrast, is a diminutive-affectionate form carrying warmth, intimacy, and familial tenderness. In Russian Orthodox usage, *батюшка* is also the common term by which parishioners address their parish priest, creating a layered resonance: the Cossack who prays this prayer simultaneously invokes God as the tender father of the home and as the spiritual shepherd who blesses before battle.

Наиболее заметным лингвистическим отклонением является замена торжественного *Отче наш* на *Батюшка наш Небесный*. В русской языковой культуре *отец* — слово формальное и величественное, несущее патриархальный авторитет. *Батюшка* же, напротив, является ласкательно-уменьшительной формой, выражающей теплоту, близость и родственную нежность. В русском православном обиходе *батюшка* — также обычное обращение прихожан к приходскому священнику, что создаёт многослойный резонанс: казак, произносящий эту молитву, одновременно обращается к Богу как к нежному отцу дома и как к духовному пастырю, благословляющему перед битвой.

最立即引人注目的語言偏離，是以*Батюшка наш Небесный*（「我們天上的慈父」）取代了莊嚴的呼格*Отче наш*（「我們的父」）。在俄語語言文化中，*отец*（otets）是正式而莊重的，帶有父權威嚴。相反，*Батюшка*（batyushka）是一個帶有暱稱親暱意味的形式，傳達溫暖、親密和家庭般的柔情。在俄羅斯東正教的慣用語中，*батюшка*同時也是教區信眾稱呼教區神父的常用語，由此產生多層次的共鳴：祈禱這篇禱文的哥薩克人，同時將上帝呼喚為家中的慈父，也呼喚為戰前祝福的屬靈牧者。

B. Dialectal Markers: Пущай, Як, Бо, Хлиб, Спокуса, Сёдни, Вызволь

The prayer is saturated with elements of the Don Cossack vernacular, which occupies a linguistic position between standard Russian and Ukrainian. The word *пущай* (pushchay, "let it be") replaces the Church Slavonic *да* and reflects southern Russian/Ukrainian dialectal forms. *Як* ("as, like") replaces *яко/как*, directly echoing Ukrainian *як*. *Бо* ("for, because") is a characteristically Ukrainian conjunction used in place of Church Slavonic *яко* in the doxology. *Хлиб* (khlib) shows the Ukrainian vocalism for "bread" (Ukrainian *хліб* vs. Russian *хлеб*). *Спокуса* ("temptation") derives from Ukrainian *спокуса* rather than standard Russian *искушение*. *Сёдни* ("today") replaces *днесь* with a colloquial southern form. *Вызволь* ("deliver/liberate") replaces *избави*, carrying a stronger connotation of military liberation, of freeing from captivity—a

word resonant with the Cossack experience of warfare against Tatar slavers and Ottoman oppressors.

Молитва пронизана элементами донского казачьего говора, занимающего лингвистическую позицию между стандартным русским и украинским языками. Слово *пущай* заменяет церковнославянское *да* и отражает южнорусские/украинские диалектные формы. *Як* заменяет *яко/как*, прямо перекликаясь с украинским *як*. *Бо* — характерный украинский союз, используемый вместо церковнославянского *яко* в доксологии. *Хлиб* демонстрирует украинский вокализм для слова «хлеб» (укр. *хліб* vs. рус. *хлеб*). *Спокуса* — «искушение» по-украински вместо стандартного русского *искушение*. *Сёдни* — разговорная южная форма «сегодня», заменяющая *днесь*. *Вызволь* заменяет *избави* и несёт более сильную коннотацию военного освобождения, вызволения из плена — слово, созвучное казачьему опыту борьбы с татарскими работорговцами и османскими угнетателями.

這篇禱告浸透著頓河哥薩克方言的元素，在語言學上佔據標準俄語和烏克蘭語之間的位置。*Пущай*（pushchay，「願」）取代了教會斯拉夫語的*да*，反映出南俄/烏克蘭方言形式。*Як*（「如同」）取代了*яко/как*，直接呼應烏克蘭語的*як*。*Бо*（「因為」）是典型的烏克蘭語連接詞，在頌榮中取代了教會斯拉夫語的*яко*。*Хлиб*（khlib）顯示出烏克蘭語「麵包」的元音形式（烏克蘭語*хліб*對比俄語*хлеб*）。*Спокуса*（「試探/誘惑」）源自烏克蘭語*спокуса*而非標準俄語*искушение*。*Сёдни*（「今天」）以南方口語形式取代了*днесь*。*Вызволь*（「解救」）取代了*избави*，帶有更強烈的軍事解放、從俘虜中釋放的意涵——這個詞與哥薩克人對抗韃靼奴隸販子和鄂圖曼壓迫者的戰爭經驗產生共鳴。

C. The Central Substitution: На Дону replacing На земле

This is the prayer's theological and cultural fulcrum. Where the canonical text reads *яко на небеси и на земли* ("as in heaven, so on earth"), the Don Cossack version reads *Як*

на Небеси / Так и у нас на Дону ("As in Heaven / So also with us on the Don"). The universal scope of "earth" (*земля*) is replaced by the specific, bounded, sacred geography of the Don River homeland.

Это богословский и культурный центр молитвы. Там, где канонический текст гласит *яко на небеси и на земли*, донская казачья версия читает *Як на Небеси / Так и у нас на Дону*. Универсальный охват «земли» заменяется конкретной, очерченной, священной географией Донской родины.

這是這篇禱告的神學與文化核心支點。在正典經文讀作*яко на небеси и на земли*（「願行在地上，如同行在天上」）之處，頓河哥薩克版本讀作*Як на Небеси / Так и у нас на Дону*（「如同在天上，也在我們頓河之上」）。「大地」（*земля*）的普世範圍，被頓河故土那特定的、有界的、神聖的地理空間所取代。

IV. Theological Exegesis / Богословский экзегезис / 神學詮釋

A. The Theology of Intimacy: From Otche to Batyushka

The shift from *Отче* to *Батюшка* is not merely stylistic; it constitutes a theological statement about the nature of the divine-human relationship. In systematic theology, how one addresses God reveals one's operative doctrine of God. The Aramaic word *Abba* that Jesus himself used (Mark 14:36; Romans 8:15; Galatians 4:6) carried precisely this quality of intimate familial address—scholars such as Joachim Jeremias argued it was closer to "Papa" or "Daddy" than to the formal "Father." The Don Cossack *Батюшка* thus arguably recovers something of the original Aramaic register that the more formal Greek *Πάτερ* and Church Slavonic *Отче* had elevated into liturgical solemnity.

Переход от *Отче* к *Батюшка* — не просто стилистическое изменение; это богословское высказывание о природе отношений между Богом и человеком. В систематическом богословии то, как человек обращается к Богу, раскрывает его действующую доктрину о Боге. Арамейское слово *Авва*, которое использовал сам Иисус (Мк. 14:36; Рим. 8:15; Гал. 4:6), несло именно это качество интимного семейного обращения — учёные, такие как Иоахим Иеремиас, утверждали, что оно было ближе к «Папочка», чем к формальному «Отец». Донское казачье *Батюшка*, таким образом, возможно, восстанавливает нечто от изначального арамейского регистра, который более формальное греческое *Πάτερ* и церковнославянское *Отче* возвысили до литургической торжественности.

從*Отче*到*Батюшка*的轉變不僅僅是文體上的；它構成了關於神人關係本質的神學聲明。在系統神學中，一個人如何稱呼上帝，揭示了其實際運作的上帝論。耶穌本人使用的亞蘭語*Abba*（馬可福音14:36；羅馬書8:15；加拉太書4:6）正帶有這種親密家庭稱呼的特質——學者約阿希姆·耶利米亞斯（Joachim Jeremias）曾論證，它比正式的「父親」更接近「爸爸」或「親愛的父」。因此，頓河哥薩克的*Батюшка*可以說恢復了原始亞蘭語語域中的某些東西——那些被更正式的希臘語*Πάτερ*和教會斯拉夫語*Отче*提升為禮儀莊嚴的意涵。

This theological move carries further implications. It suggests a God who is not only transcendent sovereign but also immanent companion—the kind of father who rides beside his sons into battle, who shares the campfire, who blesses the bread broken on the steppe. For a community of warriors for whom death was a constant companion, the intimacy of *Батюшка* expresses not servile fear before a distant monarch but filial trust in a near and beloved parent. This resonates profoundly with the Pauline theology of adoption: "For you did not receive a spirit of slavery to fall back into fear, but you received a spirit of adoption, by which we cry, 'Abba! Father!'" (Romans 8:15).

Этот богословский ход несёт дальнейшие следствия. Он предполагает Бога, который не только трансцендентный Владыка, но и имманентный спутник — такой

отец, который скачет рядом с сыновьями в бой, разделяет костёр, благословляет хлеб, преломлённый в степи. Для общины воинов, для которых смерть была постоянным спутником, близость *Батюшки* выражает не рабский страх перед далёким монархом, а сыновнее доверие к близкому и любимому родителю. Это глубоко созвучно павловскому богословию усыновления: «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!"» (Рим. 8:15).

這一神學舉措承載著更深遠的意涵。它暗示了一位上帝，不僅是超越的主宰，也是臨在的同伴——那種與兒子們並肩策馬進入戰場的父親、共享篝火的父親、在草原上祝福所擘麵包的父親。對於一個死亡是常伴左右的武士群體而言，*Батюшка*的親密性表達的不是面對遙遠君主的奴性恐懼，而是對近在咫尺、深深摯愛之父母的兒子般的信賴。這與保羅的收養神學產生了深刻的共鳴：「你們所受的不是奴僕的心，仍舊害怕；所受的乃是兒子的心，因此我們呼叫：『阿爸！父！』」（羅馬書8:15）。

B. The Theology of Sacred Place: На Дону as Covenantal Geography

The replacement of *на земле* ("on earth") with *на Дону* ("on the Don") is the prayer's most theologically audacious move. At first glance, it appears to reduce the universal scope of Christ's prayer to a merely parochial concern. However, a deeper theological reading reveals something more complex and more profound.

Замена *на земле* на *на Дону* — самый богословски дерзкий ход молитвы. На первый взгляд, он сужает вселенский охват молитвы Христа до чисто местной заботы. Однако более глубокое богословское прочтение открывает нечто более сложное и глубокое.

以*на Дону*（「在頓河上」）取代*на земле*（「在地上」），是這篇禱告中神學上最大膽的舉措。乍看之下，它似乎將基督禱告的普世範圍縮減為純粹的地方性關懷。然而，更深入的神學解讀揭示了某些更複雜、更深刻的東西。

In the Hebrew Bible, God's covenant is repeatedly associated with specific geography: the Land of Canaan is promised to Abraham (Genesis 12:7), Zion becomes the dwelling place of the divine Presence, and the prophets envision redemption in geographical terms. The Don Cossacks, who understood themselves as a chosen warrior people defending Orthodoxy against Islam on the frontier, inhabited a theological imagination shaped by this biblical pattern. The Don was not merely a river; it was *Батюшка Дон*—"Father Don"—a personified, sacred entity to which returning warriors offered gifts. In Cossack folk songs, the Don is addressed as a living father, and the surrounding land is called "Mother Donland" (*Мать Донщина*).

В Еврейской Библии завет Бога неоднократно связывается с конкретной географией: Земля Ханаанская обещана Аврааму (Быт. 12:7), Сион становится обителью божественного Присутствия, пророки видят искупление в географических терминах. Донские казаки, воспринимавшие себя избранным народом-воином, защищающим Православие от ислама на границе, обитали в богословском воображении, сформированном этим библейским образцом. Дон был не просто рекой; он был *Батюшка Дон* — персонифицированной, священной сущностью, которой возвращающиеся воины приносили дары. В казачьих народных песнях к Дону обращаются как к живому отцу, а окружающую землю называют «Мать Донщина».

在希伯來聖經中，上帝的聖約反覆與特定地理相聯繫：迦南地被應許給亞伯拉罕（創世記 12:7），錫安成為神聖臨在的居所，先知們以地理術語設想救贖。頓河哥薩克人將自己理解為在邊疆保衛東正教抵禦伊斯蘭教的被揀選武士民族，他們所棲居的神學想像正是由這種聖經模式所塑造。頓河不僅僅是一條河流；它是*Батюшка Дон*——「父親頓河」——一個被人格化的、神聖的實體，歸來的戰士們向它獻上禮物。在哥薩克民歌中，頓河被當作活的父親來稱呼，周圍的土地則被稱為「母親頓河之地」（*Мать Донщина*）。

By praying "Thy will be done, as in Heaven, so also with us on the Don," the Cossack community performs a theological act of *covenantal localization*. They do not deny the universal scope of God's sovereignty; rather, they assert that this universal sovereignty becomes *real* and *operative* precisely in their particular place. This echoes the theological principle of *particularity*—that the universal becomes actual only through the particular, just as the universal Logos became flesh in one particular Jewish man in one particular village at one particular time. The Don Cossacks pray not that God's will be done *only* on the Don, but that the cosmic reality of divine governance be concretely manifest *here*, in *this* place, among *these* people.

Молясь «Пущай буде воля Твоя, як на Небеси, так и у нас на Дону», казачья община совершает богословский акт *заветной локализации*. Они не отрицают вселенский охват Божьего владычества; скорее, они утверждают, что это вселенское владычество становится *реальным* и *действенным* именно в их конкретном месте. Это перекликается с богословским принципом *партикулярности* — что вселенское актуализируется лишь через частное, подобно тому как вселенский Логос стал плотью в одном конкретном иудейском человеке, в одном конкретном селении, в одно конкретное время. Донские казаки молятся не о том, чтобы воля Божия совершалась *только* на Дону, но о том, чтобы космическая реальность божественного правления конкретно явилась *здесь*, в *этом* месте, среди *этих* людей.

當哥薩克人祈禱「願祢的旨意行在天上，也行在我們頓河之上」時，哥薩克群體執行了一個聖約本地化的神學行為。他們並非否認上帝主權的普世範圍；而是宣告這一普世主權恰恰在他們的特定場所變得真實而有效。這呼應了特殊性的神學原則——普遍性唯有通過特殊性才成為現實，正如普世的道（Logos）在一個特定的猶太人身上、在一個特定的村莊、在一個特定的時間成了肉身。頓河哥薩克人的祈禱不是願上帝的旨意僅行在頓河上，而是願神聖治理的宇宙性現實具體地彰顯在這裡、在這個地方、在這些人當中。

This theology carries profound ecclesiological implications. It envisions the Church not as an abstract universal institution but as a community *rooted* in a specific landscape, drinking from a specific river, buried in specific soil. It is a theology of incarnation extended: as God took flesh in a particular place, so the Kingdom of God takes root in particular earth—in this case, the black soil of the Don steppe.

Это богословие несёт глубокие экклезиологические следствия. Оно видит Церковь не как абстрактный вселенский институт, а как общину, *укоренённую* в конкретном ландшафте, пьющую из конкретной реки, погребённую в конкретной земле. Это расширенное богословие воплощения: как Бог принял плоть в конкретном месте, так и Царство Божие укореняется в конкретной земле — в данном случае, в чернозёме Донской степи.

這一神學承載著深刻的教會論意涵。它所設想的教會不是一個抽象的普世制度，而是一個扎根於特定地景、飲用特定河水、埋葬於特定土壤中的群體。這是道成肉身神學的延伸：正如上帝在特定地方取了肉身，上帝的國度也在特定的土地上扎根——在這個案例中，即頓河草原的黑土。

C. The Theology of Liberation: Вызволь нас от Лукавого

The verb *вызволить* (to liberate, to free from captivity) is theologically richer than the standard *избавить* (to deliver). *Вызволить* carries the specific semantic weight of *liberation from bondage or imprisonment*. For the Don Cossacks, who lived in perpetual confrontation with Tatar and Ottoman forces that regularly captured Christians and sold them into slavery, the Evil One (*Лукавый*) was not an abstract theological concept but a palpable historical reality. Satan was experienced through the concrete evil of slave raids, forced conversion, and captivity.

Глагол *вызволить* богословски богаче стандартного *избавить*. *Вызволить* несёт конкретный семантический вес *освобождения от неволи или плена*. Для донских

казаков, живших в постоянном противостоянии с татарскими и османскими силами, которые регулярно захватывали христиан и продавали их в рабство, Лукавый был не абстрактным богословским понятием, а осязаемой исторической реальностью. Сатана переживался через конкретное зло набегов, насильственного обращения и пленения.

動詞*вызволить*（解救，從囚禁中釋放）在神學上比標準的*избавить*（拯救）更為豐富。*Вызволить*承載著從奴役或監禁中解放的特定語義重量。對於頓河哥薩克人而言——他們長期處於與韃靼人和鄂圖曼帝國勢力的對峙中，後者定期擄掠基督徒並將其賣為奴隸——邪惡者（*Лукавый*）不是一個抽象的神學概念，而是一個可感知的歷史現實。撒旦透過奴隸掠奪、強迫改宗和囚禁的具體邪惡而被經驗到。

This lexical choice thus produces a *liberation theology from below*—not formulated in academic seminaries, but emerging organically from the lived experience of a border people. The Cossack prays not merely to be "delivered" from evil in a general moral sense, but to be *freed from captivity* to the Evil One—a prayer that encompasses both spiritual bondage to sin and the very real historical bondage to enemy powers. The theological anthropology implied here is one of radical freedom: the human person, created for liberty in God's image, cries out against every form of enslavement, whether spiritual or physical.

Этот лексический выбор порождает *богословие освобождения снизу* — не сформулированное в академических семинариях, а органически вырастающее из жизненного опыта пограничного народа. Казак молится не просто об «избавлении» от зла в общем моральном смысле, но о *вызволении из плена* Лукавого — молитва, которая охватывает как духовное рабство греху, так и совершенно реальное историческое рабство вражеским силам. Подразумеваемая здесь богословская антропология — это антропология радикальной свободы:

человеческая личность, созданная для свободы по образу Божию, вопиёт против всякой формы порабощения, будь то духовного или физического.

這一詞彙選擇由此產生了一種來自底層的解放神學——不是在學術神學院中建構的，而是從一個邊境民族的生活經驗中有機生長出來的。哥薩克人祈禱的不僅僅是在一般道德意義上被「拯救」脫離邪惡，而是從邪惡者的囚禁中被釋放——這一禱告同時涵蓋了對罪的屬靈奴役，以及對敵對勢力的真實歷史奴役。此處隱含的神學人類學是一種激進自由的人類學：按上帝形象被創造而擁有自由的人，向一切形式的奴役發出呼喊，無論是屬靈的還是肉體的。

D. The Theology of Forgiveness in a Warrior Culture: Як и мы прощаем всякому / Хто нас обидел

The standard Russian text reads *якоже и мы оставляем должником нашим* ("as we forgive our debtors"), using the metaphor of debt (*долг*). The Don Cossack version instead reads *Як и мы прощаем всякому / Хто нас обидел* ("As we also forgive everyone / Who has offended us"). This is theologically significant in several respects.

Стандартный русский текст гласит *якоже и мы оставляем должником нашим*, используя метафору долга. Донская казачья версия вместо этого читает *Як и мы прощаем всякому / Хто нас обидел*. Это богословски значимо в нескольких отношениях.

標準俄語經文讀作*якоже и мы оставляем должником нашим*（「如同我們免了人的債」），使用了債務（*долг*）的隱喻。頓河哥薩克版本則讀作*Як и мы прощаем всякому / Хто нас обидел*（「如同我們饒恕每一個得罪我們的人」）。這在幾個方面具有神學意義。

First, the replacement of the economic metaphor of *debt* with the personal language of *offense* (*обида*) shifts the theological register from the juridical to the interpersonal. In a warrior society governed by honor codes, *обида* (offense, insult, injury) was the primary category of wrong—not the failure to repay a commercial obligation, but the wounding of

personal and communal honor. The prayer thus addresses the deepest temptation of the warrior ethos: the demand for vengeance. To pray "we forgive everyone who has offended us" in a culture where blood feuds and retaliatory raids were normative was a radical act of spiritual discipline. It meant that the Cross of Christ stood judgment over the Cossack code of honor, that divine mercy took precedence over human vengeance.

Во-первых, замена экономической метафоры *долга* личностным языком *обиды* смещает богословский регистр от юридического к межличностному. В воинском обществе, управляемом кодексами чести, *обида* была главной категорией зла — не неспособность вернуть коммерческое обязательство, а ранение личной и общинной чести. Молитва, таким образом, обращается к глубочайшему искушению воинского этоса: требованию мести. Молиться «мы прощаем всякому, хто нас обидел» в культуре, где кровная месть и ответные набеги были нормативными, было радикальным актом духовной дисциплины. Это означало, что Крест Христов стоит судом над казачьим кодексом чести, что божественное милосердие имеет приоритет над человеческой местью.

首先，以冒犯（*обида*）的人際語言取代債務的經濟隱喻，將神學語域從法律性的轉移到人際性的。在一個由榮譽法則統治的武士社會中，*обида*（冒犯、侮辱、傷害）是錯誤的首要範疇——不是未能償還商業義務，而是對個人和群體榮譽的傷害。因此，這篇禱告針對的是武士精神最深層的試探：對復仇的要求。在一個血仇和報復性突襲是常態的文化中，祈禱「我們饒恕每一個得罪我們的人」是一個激進的靈性操練行為。它意味著基督的十字架對哥薩克榮譽法則施以審判，神聖的憐憫優先於人的復仇。

Second, the word *всякому* ("everyone," dative) emphasizes the universality and indiscriminateness of forgiveness. It is not qualified: not "those who have offended us slightly" or "those of our own kind who have offended us," but *everyone*—including, by implication, the Tatar raider, the Ottoman slaver, the treacherous neighbor. This is a

theology of radical, unqualified grace uttered by people whose daily experience gave them every human reason to withhold it.

Во-вторых, слово *всякому* подчёркивает всеобщность и безусловность прощения. Оно не ограничено: не «тем, кто обидел нас слегка» или «тем из наших, кто нас обидел», а *всякому* — включая, по подразумеванию, татарского набежчика, османского работорговца, вероломного соседа. Это богословие радикальной, безусловной благодати, произносимое людьми, чей повседневный опыт давал им все человеческие основания её удерживать.

其次，*всякому*（「每一個人」，與格）強調了饒恕的普世性和無差別性。它沒有限定條件：不是「那些略微得罪我們的人」或「我們自己人中得罪我們的」，而是每一個人——暗含著韃靼突襲者、鄂圖曼奴隸販子、背信棄義的鄰居。這是由那些日常經歷給予他們一切人性理由去拒絕寬恕的人所宣告的激進、無條件恩典的神學。

E. The Theology of Bread: Хлиб насущный дай нам сёдни

The petition for daily bread takes on particular weight in the Don Cossack context. The Cossack communities of the 16th and 17th centuries were forbidden by their own laws from farming (which was considered the work of serfs and incompatible with warrior freedom). Bread was obtained through trade, tribute, and the annual grain shipment from Moscow. To pray for *хлиб насущный* ("daily bread") was therefore not a routine request but an expression of genuine material dependence on divine Providence. The Cossack who prayed this prayer genuinely did not know whether bread would come tomorrow.

Прошение о хлебе насущном приобретает особый вес в донском казачьем контексте. Казачьим общинам XVI–XVII веков собственными законами было запрещено земледелие (считавшееся работой крепостных и несовместимым с воинской свободой). Хлеб получали через торговлю, дань и ежегодные поставки

зерна из Москвы. Молиться о *хлибе насущном* было поэтому не рутинной просьбой, а выражением подлинной материальной зависимости от божественного Промысла. Казак, молившийся этой молитвой, действительно не знал, придёт ли хлеб завтра.

日用飲食的祈求在頓河哥薩克語境中具有特殊的分量。16至17世紀的哥薩克社區被他們自己的法律禁止務農（農耕被認為是農奴的工作，與武士的自由不相容）。麵包通過貿易、朝貢和莫斯科年度穀物運輸獲得。因此，祈求*хлиб насущный*（「日用的飲食」）不是例行公事的請求，而是對神聖天命真正物質依賴的表達。祈禱這篇禱文的哥薩克人真正地不知道明天是否會有麵包。

The use of *сёдни* ("today," colloquial) rather than the archaic *днесь* reinforces the immediacy of this petition. It is not a liturgical abstraction about some general provision; it is the urgent, present-tense cry of a hungry man: "Give us bread *today*." This grounds the prayer's theology in the radical presentness of faith—trusting God not for a lifetime's security but for today's meal.

Использование *сёдни* вместо архаичного *днесь* усиливает непосредственность этого прошения. Это не литургическая абстракция об общем обеспечении; это срочный, в настоящем времени крик голодного человека: «Дай нам хлиб *сёдни*». Это укореняет богословие молитвы в радикальной настоящести веры — доверяя Богу не пожизненное обеспечение, а сегодняшнюю трапезу.

使用*сёдни*（「今天」，口語）而非古體*днесь*，強化了這一祈求的即時性。這不是關於某種一般性供應的禮儀抽象；這是一個飢餓之人迫切的、現在時態的呼喊：「今天賜給我們飲食。」這將禱告的神學扎根於信仰的激進當下性中——信賴上帝的不是一生的安全保障，而是今天的一餐。

F. The Theology of Temptation: Не попусти нам уйтить у спокусу

The standard text reads *не введи нас во искушение* ("lead us not into temptation"), which has been the subject of extensive theological debate regarding whether God actively leads people into temptation. The Don Cossack version offers a fascinating alternative formulation: *Не попусти нам уйтить у спокусу* ("Do not allow us to wander into temptation"). The verb *попустить* means "to permit, to allow," and *уйтить* means "to go away, to wander off." The theological implication is striking: temptation is not something God might actively impose, but something humans might wander into if God does not restrain them. The prayer envisions human beings as prone to straying—like horses that might wander from camp if not tethered—and asks God to hold them in place.

Стандартный текст гласит *не введи нас во искушение*, что было предметом обширных богословских споров о том, вводит ли Бог людей в искушение. Донская казачья версия предлагает увлекательную альтернативную формулировку: *Не попусти нам уйтить у спокусу*. Глагол *попустить* означает «позволить, допустить», а *уйтить* — «уйти, забрести». Богословская импликация поразительна: искушение — не то, что Бог может активно наложить, а то, в что люди могут забрести, если Бог их не удержит. Молитва представляет людей как склонных к блужданию — подобно коням, способным уйти из лагеря, если не привязаны — и просит Бога удержать их на месте.

標準經文讀作*не введи нас во искушение*(「不叫我們遇見試探」)，這一直是廣泛神學辯論的主題——關於上帝是否主動引導人進入試探。頓河哥薩克版本提供了一個引人入勝的替代表述：*Не попусти нам уйтить у спокусу*(「不要允許我們走入試探」)。動詞*попустить*意為「允許、容許」，*уйтить*意為「走開、流浪」。其神學意涵是驚人的：試探不是上帝可能主動施加的東西，而是人類如果不被上帝約束就可能走入的東西。這篇禱告將人類設想為容易迷失的——就像可能從營地走失的馬匹如果不拴住的話——並祈求上帝將他們保持在原位。

This is profoundly congruent with Cossack pastoral-military experience. A Cossack knew that a wandering horse could mean death on the steppe, and a wandering man could fall into an enemy ambush. The prayer thus employs a spatial-pastoral metaphor for sin: temptation is not an internal psychological state alone but a *place* one might *wander into*—a dangerous territory beyond the protection of the community and of God. This spatial theology of sin resonates with the parable of the Prodigal Son, who "went to a far country" (Luke 15:13) and there lost himself.

Это глубоко созвучно казачьему пастушеско-военному опыту. Казак знал, что блуждающий конь может означать смерть в степи, а блуждающий человек может попасть во вражескую засаду. Молитва использует пространственно-пастушескую метафору греха: искушение — не только внутреннее психологическое состояние, но *место*, в которое можно *забрести* — опасная территория за пределами защиты общины и Бога. Эта пространственная теология греха созвучна притче о блудном сыне, который «пошёл в дальнюю сторону» (Лк. 15:13) и там потерял себя.

這與哥薩克的畜牧-軍事經驗深度契合。哥薩克人知道一匹走失的馬可能意味著草原上的死亡，一個走失的人可能落入敵人的伏擊。因此，禱告為罪使用了一個空間-畜牧隱喻：試探不僅僅是一種內在的心理狀態，更是一個人可能走入的地方——超越群體和上帝保護的危險領域。這種罪的空間神學與浪子的比喻產生共鳴，浪子「往遠方去了」（路加福音15:13），並在那裡迷失了自己。

V. Cultural Dimensions / Культурное измерение / 文化維度

A. The Cossack Democratic-Communal Ecclesiology

The Don Cossacks practiced a form of military democracy in which atamans (leaders) were elected and major decisions were made at the *krug* (assembly circle). Until the mid-19th century, even priests were elected by the community rather than appointed by hierarchs. This democratic ethos permeates the prayer through its familiar, non-hierarchical tone. The God addressed as *Батюшка* is not the distant Tsar of the Universe but the elected elder of the cosmic *krug*, the beloved ataman of heaven. The prayer's collective first person—*наш*, *нам*, *мы*—is the voice of the assembled community, the stanitsa praying as one.

Донские казаки практиковали форму военной демократии, в которой атаманы избирались, а важнейшие решения принимались на *кругу* (собрании). До середины XIX века даже священников избирала община, а не назначали иерархи. Этот демократический этос пронизывает молитву через её фамильярный, неиерархический тон. Бог, к которому обращаются как к *Батюшке*, — не далёкий Царь Вселенной, а избранный старейшина космического *круга*, любимый атаман небес. Коллективное первое лицо молитвы — *наш*, *нам*, *мы* — это голос собранной общины, станицы, молящейся как одно целое.

頓河哥薩克人實行一種軍事民主形式，其中阿塔曼（領袖）由選舉產生，重大決定在*круг*（集會圈）中做出。直到19世紀中期，甚至神父也由社區選舉而非由教階任命。這種民主精神通過其親切的、非等級的語調滲透進禱告中。被稱呼為*Батюшка*的上帝不是宇宙中遙遠的沙皇，而是宇宙*круг*中選舉出的長老、天堂中被愛戴的阿塔曼。禱告的集體第一人稱——*наш*、*нам*、*мы*——是聚集群體的聲音，是作為一體祈禱的村莊。

B. The Don as Sacred River: Baptismal and Covenantal Imagery

The Don River holds a position in Cossack consciousness analogous to the Jordan in Israelite consciousness. It is a boundary marker (between the settled world and the Wild Field), a source of life (fish, water, transport), and a site of ritual significance. The

prayer's invocation of the Don thus carries implicit baptismal resonance: just as the Jordan was sanctified by Christ's baptism, the Don is sanctified by the prayers of the faithful who dwell beside it. To pray "Thy will be done on the Don" is implicitly to consecrate the river and its lands as holy ground—to claim that the waters of baptism and the waters of the Don are continuous, that the same Spirit who hovered over the Jordan hovers over the Don.

Дон занимает в казачьем сознании позицию, аналогичную Иордану в сознании израильтян. Это пограничный знак (между оседлым миром и Диким Полем), источник жизни (рыба, вода, транспорт) и место ритуального значения. Упоминание Дона в молитве несёт имплицитный крещальный резонанс: подобно тому как Иордан был освящён Крещением Христа, Дон освящается молитвами верных, живущих на его берегах. Молиться «Пущай буде воля Твоя на Дону» — значит имплицитно освящать реку и её земли как святую землю, утверждать, что воды крещения и воды Дона непрерывны, что тот же Дух, Который носился над Иорданом, носится и над Доном.

頓河在哥薩克意識中佔據的地位，類似於約旦河在以色列人意識中的地位。它是邊界標記（介於定居世界和荒野之間）、生命之源（魚、水、運輸）和具有儀式意義的場所。因此，禱告對頓河的援引承載著隱含的洗禮共鳴：正如約旦河因基督的洗禮而被聖化，頓河也因居住在其旁的信徒們的禱告而被聖化。祈禱「願祢的旨意行在頓河上」，隱含地是將這條河及其土地奉獻為聖地——宣告洗禮之水與頓河之水是連續的，那曾運行在約旦河上的同一位聖靈也運行在頓河之上。

C. The Warrior's Doxology: Бо Твоё Царство Сила и слава

The doxology—*Бо Твоё Царство Сила и слава во веки веков*—places particular emphasis on *Сила* ("Power/Might"). For a warrior people, the acknowledgment that ultimate power belongs to God and not to human military prowess was both a

theological confession and a practical act of humility. Before every battle, the Don Cossacks prayed; their extensive tradition of pre-battle prayers (documented in Sholokhov's *Quiet Don* and in historical archives) reveals a community that understood its military strength as derivative, borrowed from the divine *Сила*. The doxology thus functions as a warrior's submission: "Not our swords but Thy Power; not our glory but Thine."

Доксология — *Бо Твоё Царство Сила и слава во веки веков* — делает особый акцент на *Силе*. Для воинского народа признание того, что конечная сила принадлежит Богу, а не человеческой военной доблести, было одновременно богословским исповеданием и практическим актом смирения. Перед каждым боем донские казаки молились; их обширная традиция предбоевых молитв (задокументированная в «Тихом Доне» Шолохова и исторических архивах) являет общину, понимавшую свою военную мощь как производную, заимствованную у божественной *Силы*. Доксология функционирует как воинское подчинение: «Не наши сабли, но Твоя Сила; не наша слава, но Твоя».

頌榮——*Бо Твоё Царство Сила и слава во веки веков*——特別強調*Сила*（「能力/大能」）。對於一個武士民族而言，承認終極的能力屬於上帝而非人類的軍事才能，既是一個神學的告白，也是一個實際的謙卑行為。在每一場戰鬥之前，頓河哥薩克人都要祈禱；他們廣泛的戰前禱告傳統（記載於肖洛霍夫的《靜靜的頓河》和歷史檔案中）揭示了一個理解自己軍事力量為衍生的、借用自神聖*Сила*的群體。因此，頌榮作為武士的順服發揮功能：「不是我們的刀劍，而是祢的大能；不是我們的榮耀，而是祢的。」

VI. Comparative Differences and Their Theological Significance / Сравнительные различия и их богословское значение / 比較差異及其神學意義

To summarize the key differences and their theological import in systematic form:

Для систематического обобщения ключевых различий и их богословского значения:

系統性總結關鍵差異及其神學意涵：

1. Отче наш → Батюшка наш Небесный. Theological shift: from formal sovereignty to intimate fatherhood; from juridical distance to familial nearness; recovery of Abba theology. / Богословский сдвиг: от формального владычества к интимному отцовству; от юридической дистанции к родственной близости; восстановление богословия «Авва». / 神學轉變：從正式的主權到親密的父權；從法律距離到家庭親近；恢復「阿爸」神學。

2. На земле → На Дону. Theological shift: from abstract universalism to incarnational particularism; covenantal geography; the Don as sacred landscape; theology of place. / Богословский сдвиг: от абстрактного универсализма к воплощённому партикуляризму; заветная география; Дон как священный ландшафт; богословие места. / 神學轉變：從抽象的普世主義到道成肉身的特殊主義；聖約地理學；頓河作為神聖地景；地方神學。

3. Остави нам долги наша → Прости нам грехи наши. Theological shift: from economic/juridical metaphor (debt) to personal/relational language (sin/forgiveness); a more direct penitential register. / Богословский сдвиг: от экономическо-юридической метафоры (долг) к личностно-отношенческому языку (грех/прощение); более прямой покаянный регистр. / 神學轉變：從經濟/法律隱喻（債務）到人際/關係語言（罪/饒恕）；更直接的懺悔語域。

4. Должником нашим → Всякому хто нас обидел. Theological shift: from debtors to offenders; from financial obligation to honor-wounding; universality of forgiveness (*всякому*) as counter-cultural grace in a vengeance-oriented society. / Богословский

сдвиг: от должников к обидчикам; от финансового обязательства к ранению чести; всеобщность прощения (*всякому*) как контркультурная благодать в обществе, ориентированном на месть. / 神學轉變：從債務人到冒犯者；從財務義務到榮譽傷害；饒恕的普遍性（*всякому*）作為報復導向社會中的反文化恩典。

5. Не введи нас во искушение → Не попусти нам уйтить у спокусу. Theological shift: resolves the theodicy problem of God "leading" into temptation; spatial metaphor of sin as wandering; God as restrainer rather than tempter; pastoral anthropology of human proneness to straying. / Богословский сдвиг: разрешает теодицейную проблему Бога, «вводящего» в искушение; пространственная метафора греха как блуждания; Бог как удерживающий, а не искуситель; пастушеская антропология склонности человека к блужданию. / 神學轉變：解決了上帝「引導」進入試探的神義論問題；罪作為遊蕩的空間隱喻；上帝作為約束者而非試探者；人類容易迷失的畜牧人類學。

6. Избави нас → Вызволь нас. Theological shift: from generic deliverance to liberation from captivity; implicit liberation theology; the Evil One as enslaver; freedom as soteriological category. / Богословский сдвиг: от общего избавления к освобождению из плена; имплицитное богословие освобождения; Лукавый как поработитель; свобода как сотериологическая категория. / 神學轉變：從一般性的拯救到從囚禁中的解放；隱含的解放神學；邪惡者作為奴役者；自由作為救恩論範疇。

7. Днесь → Сёдни. Theological shift: from liturgical-archaic temporality to urgent present-tense immediacy; existential trust; daily dependence on Providence experienced as genuine vulnerability. / Богословский сдвиг: от литургически-архаичной темпоральности к срочной непосредственности настоящего времени; экзистенциальное доверие; повседневная зависимость от Промысла, переживаемая как подлинная уязвимость. / 神學轉變：從禮儀-古體的時間性到迫切的現在時態即時性；存在性信賴；作為真實脆弱性而被經驗的對天命的日常依賴。

VII. Reflections on Spirituality and Faith / Размышления о духовности и вере / 關於靈性與信仰的省思

A. The Incarnational Principle in Prayer

This Don Cossack prayer teaches us that authentic prayer is never disembodied. Prayer that is truly alive must pass through the flesh of culture, through the geography of home, through the cadences of the mother tongue. The universal God does not become *less* universal when addressed as *Батюшка* rather than *Πάτερ*; rather, He becomes more concretely present. The theology of incarnation insists that the universal enters history through the particular, the infinite through the finite, the eternal through the temporal. This prayer is an icon of that principle: the eternal Lord's Prayer takes on the flesh of the Don, the accent of the steppe, the tears and laughter of a people who knew both the agony of battle and the joy of homecoming.

Эта донская казачья молитва учит нас, что подлинная молитва никогда не бестелесна. Молитва, которая действительно жива, должна пройти через плоть культуры, через географию дома, через ритмы родного языка. Вселенский Бог не становится *менее* вселенским, когда к Нему обращаются как к *Батюшке*, а не *Πάτερ*; напротив, Он становится более конкретно присутствующим. Богословие воплощения настаивает, что вселенское входит в историю через частное, бесконечное — через конечное, вечное — через временное. Эта молитва — икона этого принципа: вечная Молитва Господня облекается в плоть Дона, в акцент степи, в слёзы и смех народа, знавшего и агонию битвы, и радость возвращения домой.

這篇頓河哥薩克禱告教導我們，真正的禱告從來不是無形體的。真正活著的禱告必須通過文化的肉體、家園的地理、母語的韻律。當以*Батюшка*而非*Πάτερ*來稱呼時，普世的上帝並

不會變得較不普世；相反，祂變得更具體地臨在。道成肉身的神學堅持，普遍透過特殊進入歷史，無限透過有限，永恆透過暫時。這篇禱告是這一原則的聖像：永恆的主禱文取了頓河的肉體、草原的口音、一個既知戰鬥之苦又知歸鄉之樂的民族的淚水與歡笑。

B. The Spirituality of Place

In an age of globalization and digital abstraction, the Don Cossack prayer's insistence on *place* offers a vital spiritual corrective. To pray "Thy will be done on the Don" is to refuse the gnostic temptation of a faith that exists only in the mind, disconnected from soil and river, from neighbor and landscape. It reminds us that sanctification is not escape from the material world but its transformation from within. The Kingdom of God does not descend upon a generic "earth" but upon *this* earth—this parish, this watershed, this community. Spirituality that cannot name its river, that has no address, risks becoming an abstraction that changes nothing.

В эпоху глобализации и цифровой абстракции настойчивость донской казачьей молитвы на *месте* предлагает жизненно важную духовную корректировку. Молиться «Пущай буде воля Твоя на Дону» — значит отвергать гностическое искушение веры, существующей лишь в уме, оторванной от почвы и реки, от соседа и ландшафта. Это напоминает нам, что освящение — не бегство из материального мира, а его преображение изнутри. Царство Божие нисходит не на абстрактную «землю», а на *эту* землю — этот приход, этот водораздел, эту общину. Духовность, не способная назвать свою реку, не имеющая адреса, рискует стать абстракцией, ничего не меняющей.

在全球化和數位抽象的時代，頓河哥薩克禱告對地方的堅持提供了一個至關重要的靈性糾正。祈禱「願祢的旨意行在頓河上」，是拒絕信仰僅存在於心智中、與土壤和河流、鄰居和地景斷裂的諾斯底主義試探。它提醒我們，成聖不是從物質世界的逃離，而是從內部對它的轉化。上帝的國度不是降臨在一個一般性的「大地」上，而是降臨在這片大地上——這個教區、

這個流域、這個社區。無法命名自己河流的、沒有地址的靈性，有淪為改變不了任何事物之抽象的風險。

C. The Spirituality of Freedom

The Don Cossack identity was forged in the furnace of freedom. The very word "Cossack" (from Turkic *kazak*) means "free man" or "adventurer." This prayer breathes the air of liberty at every turn: in the intimate address that refuses servile distance, in the verb *вызволь* that cries out for liberation, in the implicit refusal to have anyone mediate between the community and its *Батюшка*. Yet this is not an anarchic or individualistic freedom; it is freedom *within* covenant, freedom *toward* God, freedom *for* service. The Cossack was free—but free to serve, free to fight for the faith, free to die for his brothers. This prayer models a spirituality of freedom that is simultaneously a spirituality of obligation—free sons of a loving Father who freely choose obedience.

Донская казачья идентичность была выкована в горниле свободы. Само слово «казак» (от тюркского *казак*) означает «свободный человек» или «вольный». Эта молитва на каждом шагу дышит воздухом свободы: в интимном обращении, отвергающем рабскую дистанцию; в глаголе *вызволь*, взывающем к освобождению; в имплицитном отказе от того, чтобы кто-либо стоял посредником между общиной и её *Батюшкой*. Но это не анархическая или индивидуалистическая свобода; это свобода *внутри* завета, свобода *к* Богу, свобода *для* служения. Казак был свободен — но свободен служить, свободен сражаться за веру, свободен умереть за братьев. Эта молитва являет духовность свободы, которая одновременно является духовностью обязательства — свободные сыны любящего Отца, свободно избирающие послушание.

頓河哥薩克的身份認同是在自由的熔爐中鍛造的。「哥薩克」這個詞本身（源自突厥語*kazak*）意為「自由人」或「冒險者」。這篇禱告在每一處都呼吸著自由的空氣：在拒絕奴性距離的親

密稱呼中；在呼喊解放的動詞*вызволь*中；在隱含的拒絕任何人在群體和其*Батюшка*之間進行調解中。然而，這不是無政府的或個人主義的自由；它是聖約之內的自由、朝向上帝的自由、為了服務的自由。哥薩克人是自由的——但自由地去服務、自由地為信仰而戰、自由地為弟兄而死。這篇禱告展示了一種自由的靈性，它同時是義務的靈性——一位慈愛之父的自由之子，自由地選擇順服。

D. The Spirituality of Forgiveness in a World of Violence

Perhaps the most spiritually challenging aspect of this prayer is its confession of universal forgiveness within a culture of violence. The Cossack warrior, who spent his life fighting, who experienced the murder of kin and the abduction of children, yet prays *мы прощаем всякому хто нас обидел*—"we forgive everyone who has offended us." This is not the easy forgiveness of those who have little to forgive; it is the costly forgiveness of those who have watched their villages burn. It speaks to the transformative power of prayer: that by praying forgiveness even before one fully feels it, the soul is gradually shaped into the mercy it invokes. The prayer does not say "we *have* forgiven" (past tense, completed) but "we *forgive*" (present tense, ongoing)—a continuous act of will renewed each time the prayer is spoken.

Возможно, наиболее духовно требовательный аспект этой молитвы — исповедание всеобщего прощения внутри культуры насилия. Казак-воин, проводивший жизнь в боях, переживавший убийство сородичей и похищение детей, тем не менее молится *мы прощаем всякому хто нас обидел*. Это не лёгкое прощение тех, кому нечего прощать; это дорогостоящее прощение тех, кто видел, как горят их станицы. Это свидетельствует о преобразующей силе молитвы: произнося прощение, даже прежде чем полностью его чувствуешь, душа постепенно формируется в то милосердие, которое она призывает. Молитва не говорит «мы простили» (прошедшее время, завершённое), а «мы прощаем»

(настоящее время, продолжающееся) — непрерывный акт воли, обновляемый каждый раз, когда молитва произносится.

或許這篇禱告在靈性上最具挑戰性的面向，是在暴力文化中對普遍饒恕的告白。哥薩克武士，終其一生在戰鬥中度過、經歷過親人被殺和孩子被擄，卻祈禱*мы прощаем всякому кто нас обидел*——「我們饒恕每一個得罪我們的人。」這不是那些幾乎無需饒恕之人的輕鬆饒恕；這是那些眼看自己村莊被焚燒之人的代價高昂的饒恕。它訴說了禱告的轉化力量：即使在完全感受到饒恕之前就祈禱饒恕，靈魂也會逐漸被塑造為它所呼求的憐憫。禱告沒有說「我們已經饒恕了」（過去時態，完成），而是說「我們饒恕」（現在時態，進行中）——一個每次禱告被誦念時都重新更新的持續意志行為。

E. The Eschatological Horizon

The concluding *во веки веков* ("unto ages of ages") carries the prayer beyond the immediate historical horizon of the Don Cossack community into eschatological time. The Kingdom, Power, and Glory that the Cossack acknowledges are not limited to the span of a human life or even of a civilization; they extend into eternity. This eschatological framework provides the ultimate context for all the prayer's particular concerns: the bread of today is given against the background of eternal provision; the forgiveness offered now anticipates the final reconciliation; the liberation from evil points toward the ultimate defeat of the Evil One. The prayer thus holds together the immediate and the eternal, the local and the cosmic, the Don and the Kingdom of God—and asserts that they are not in tension but in continuity.

Заключительное *во веки веков* выносит молитву за пределы непосредственного исторического горизонта донской казачьей общины в эсхатологическое время. Царство, Сила и Слава, которые казак признаёт, не ограничены сроком человеческой жизни или даже цивилизации; они простираются в вечность. Эта эсхатологическая перспектива обеспечивает конечный контекст для всех частных

забот молитвы: сегодняшний хлеб дан на фоне вечного обеспечения; прощение, оказываемое сейчас, предвосхищает окончательное примирение; освобождение от зла указывает на конечное поражение Лукавого. Молитва, таким образом, удерживает вместе непосредственное и вечное, местное и космическое, Дон и Царство Божие — и утверждает, что они находятся не в напряжении, а в преемственности.

結語的*во веки веков*（「直到世世代代」）將禱告帶出頓河哥薩克群體的直接歷史視域，進入末世論時間。哥薩克人所承認的國度、能力和榮耀不限於一個人的壽命甚或一個文明的跨度；它們延伸至永恆。這一末世論框架為禱告所有的特定關切提供了終極語境：今天的麵包是在永恆供應的背景下賜予的；現在所給予的饒恕預示著最終的和好；從邪惡中的解放指向邪惡者的最終失敗。因此，禱告將即時與永恆、地方與宇宙、頓河與上帝的國度維繫在一起——並宣告它們不是處於張力中，而是處於連續性中。

VIII. Conclusion / Заключение / 結論

The Don Cossack Lord's Prayer is far more than a dialectal curiosity or a folk-cultural artifact. It is a theological document of profound significance—a witness to how a particular community of faith received, inhabited, and transformed the prayer of Christ through the irreplaceable medium of their own language, geography, and historical experience. In its intimate address to God as *Батюшка*, in its audacious localization of the Kingdom to the Don, in its warrior's vocabulary of liberation and its costly confession of universal forgiveness, this prayer reveals a theology that is simultaneously deeply Orthodox and irreducibly Cossack—a theology born where the steppe meets the river, where the sword meets the cross, where the freedom of the frontier meets the obedience of faith.

Донская казачья версия Молитвы Господней — куда больше, чем диалектный курьёз или фольклорно-культурный артефакт. Это богословский документ глубочайшего значения — свидетельство того, как конкретная община веры приняла, обжила и преобразила молитву Христа через незаменимую среду собственного языка, географии и исторического опыта. В её интимном обращении к Богу как *Батюшке*, в дерзкой локализации Царства на Дону, в воинской лексике освобождения и дорогостоящем исповедании всеобщего прощения, эта молитва являет богословие, одновременно глубоко православное и неотъемлемо казачье — богословие, рождённое там, где степь встречается с рекой, где сабля встречается с крестом, где вольность рубежа встречается с послушанием веры.

頓河哥薩克主禱文遠不止是一個方言趣聞或民間文化文物。它是一份具有深刻意義的神學文獻——見證了一個特定的信仰群體如何透過他們自己語言、地理和歷史經驗這一不可替代的媒介，接受、棲居並轉化了基督的禱告。在它以*Батюшка*親密地稱呼上帝中，在它大膽地將國度本地化到頓河中，在它武士的解放詞彙和代價高昂的普遍饒恕告白中，這篇禱告揭示了一種同時深深東正教又不可化約地哥薩克的神學——一種誕生於草原與河流相遇之處、刀劍與十字架相遇之處、邊疆的自由與信仰的順服相遇之處的神學。

It reminds all who pray that the Lord's Prayer is not a dead text to be recited identically across all times and places, but a living seed that bears unique fruit wherever it is planted—and that the God who taught it desires to be addressed not in the abstract language of universal philosophy, but in the concrete, trembling, beloved voice of each of His children, from whatever river bank they call out to Him.

Она напоминает всем молящимся, что Молитва Господня — не мёртвый текст, который следует произносить одинаково во все времена и во всех местах, а живое семя, приносящее уникальные плоды повсюду, где оно посеяно — и что Бог, научивший этой молитве, желает, чтобы к Нему обращались не на абстрактном

языке универсальной философии, а конкретным, трепетным, любимым голосом каждого из Его детей, с какого бы берега они ни взывали к Нему.

它提醒所有祈禱者，主禱文不是一個在所有時代和地方都需一字不差重複的死文本，而是一粒活的種子，無論被種植在何處都結出獨特的果實——而教導這篇禱告的上帝，渴望聽到的不是以普世哲學的抽象語言來對祂說話，而是以祂每一個孩子那具體的、顫抖的、被愛的聲音——無論他們從哪一條河岸向祂呼喊。

Аминь. Amen. 阿們。

Bibliography / Библиография / 參考文獻

Kuraev, A., Artemyeva, S., Azmetova, R., Dmitrieva, S., & Pallotta, V. (2019). "The Don Cossacks and Orthodoxy: Religious and Moral Traditions in the Framework of Modern Education." *European Journal of Science and Theology*, 15(4), 127–135.

Jeremias, J. (1967). *The Prayers of Jesus*. London: SCM Press.

Sholokhov, M.A. (1928–1940). *Тихий Дон* [Quiet Flows the Don]. Moscow.

Sopov, A.V. (2000). "Казачья религиозность: мифы, факты и проблемы." In *Проблемы изучения и развития казачьей культуры*. Maykop: Ayaks.

Shafazhinskaya, N.E. (2013). "Духовно-нравственное воспитание казачьей молодёжи." *Научные исследования и разработки*, 3(4), 20–25.

Nguyen, H.T. (2021). "A Brief Theology of Inculturation: A Pastoral Method." *Say Something Theological*, 4(1), Loyola Marymount University.

"Don Cossacks—Religion and Expressive Culture." *Encyclopedia of World Cultures: Russia and Eurasia/China*. Every Culture.